

судьба Беверлея — причина интереса к драме Сорена. Закономерна и реакция героя «Дневника»: «... о! колько тяжко быть обманути теми, в которых полагаем всю надежду!» (I, 140). Ассоциативные параллели с личной судьбой продолжаются, и обращенное на себя сознание вдруг задает вопрос: «... кто же поручится мне, что и я сам себе злодей не буду? Исчислил ли кто, сколько в мире западней? Измерил ли кто пропасти хитрости и пронырства?» (I, 140—141). Коллизия сореновской драмы делает личное сомнение героя «Дневника» все более тревожным. Надежды на возвращение друзей почти не остается. Сознание дезорганизуется, и в этот катастрофический для состояния героя момент автор неожиданным вмешательством меняет русло его размышлений: «По счастью моему запутавшиеся лошади среди улицы принудили меня оставить тропинку, по которой я шел, *разбили мои мысли*» (I, 141; курсив мой, — Г. Г.).

Последствия этих ассоциативных связей были настолько велики, что на следующий, 4-й, день герой не смог поехать на службу. 5-й день ожидания — среда. Сюжет читанной в этот день книги напоминает герою счастливое прошлое, и на какое-то мгновение надежда одерживает явное преимущество над сомнением. Но сознание незамедлительно отмечает: «О мечта, о очарование! почто ты не продолжительно?». И вечер оправдывает этот страх. Герой вновь «казнится». В четверг он отправляется на Волково кладбище. Причина — желание обрести внутреннее равновесие в атмосфере, «где царствует вечное молчание, где разум затей больше не имеет, ни душа желаний» (I, 142—143). Искомое равновесие обретается, но ненадолго. Возвратившись домой, он замечает: «... никто меня не ждет. Лучше бы я там остался, там бы препроводил ночь» (I, 142). Днем в пятницу герою кажется, что оснований для веры в возвращение друзей почти нет, хотя до истечения срока их отсутствия остается еще два дня: «Ничто не помогает, — уныние, беспокойствие, скорбь, о как близко отчаяние!» (I, 142). Наступает ночь, и во сне дневное тревожное сомнение вдруг оказывается реальностью, — друзья предают героя: «... вы меня отталкиваете! вы удаляетесь, отворачивая взоры ваши! о пагуба, о гибель! се смерть жизни, се смерть души. — Куда идете, куда спешите? или не узнаете меня, меня, друга вашего? друга... Пойдите... мучители удалились». Здесь сон прерывается. Но реальность сна продолжает восприниматься как реальность действительности: «... пробудился. Вон беги, удаляйся, — се разверста пропасть, — они, они меня в нее ввергают, — оставили» (I, 142—143). Наступает суббота — последний день мучительно трудной недели ожидания, единственный, когда сомнение крадывается лишь на минуту. В воскресенье герой выезжает навстречу друзьям. Их нет, и ощущение недавнего сна становится действительностью: «Чьим верить словам возможно, когда возлюбленные мои мне данного слова не сдержали? Кому верить на свете? Все мишадось, виспад обадательный покров утех и весе-